

С. П. КАРПОВ

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIII—XV ВВ.

В 1204 г. на руинах павшей под ударами крестоносцев Византии на далеком Понте, имевшем давние традиции самостоятельного развития, возникла Трапезундская империя. Многие события из ее истории известны нам по произведениям византийских писателей XIII—XV вв., которые чаще всего были далеко не беспристрастны к новому государству. Наша цель — не анализировать все сведения византийских писателей о Трапезунде, но лишь проследить эволюцию их отношения к империи, поставив в центре внимания «пробный камень» — признание и непризнание императорского титула трапезундских правителей. Последнее обстоятельство, вызванное рядом причин, среди которых само международное положение Трапезунда занимает не последнее место, весьма интересно и как показатель эволюции доктрины императорской власти в самой Византии.

Никита Хониат — первый по времени византийский историк, писавший об образовании Трапезундской империи. Наряду с Анной Комниной и Зонарой именно Хониат приводит свидетельства сепаратистских тенденций области Понта задолго до образования там государства¹. Однако в его сочинениях мы не найдем ничего, кроме презрения к самой империи и к ее основателям, потомкам ненавистного историку Андроника I. Трапезундская империя в момент ее образования — лишь плод губительного сепаратизма, разъединявшего единство эллинов в борьбе с латинянами, а правители ее — мальчишки, замыслившие называться «тиранами» от непомерной гордыни. Историк отрицал всякое их право не только на императорский титул, но и на именование «правитель»².

Эфесский митрополит Николай Месарит, писавший почти одновременно с Хониатом, часто по горячим следам событий, не менее непримире-

¹ *Nicetae Choniatae Historia*, rec. I. Bekker. Bonnae, 1835 (далее — *Nic. Chon.*, p. 45. Автор писал, что Константин Гавра χρόνον ἥδη συχρὸν τὴν Τραπεζούντα ὑποποησάμενον καὶ ἤθεσ τυραννικοῖς αὐτὴν διεξάγοντα.

² Правители Понта и Пафлагонии названы в лучшем случае лишь по имени: *Nic. Chon.*, p. 828.4: ὁ δ' ἐκ Κομνηνῶν Δαβίδ; p. 828.8; 828.12; 16, p. 842.13—14; p. 844.9; κατὰ τοῦ ἐν Πόντῳ Δαβίδ; p. 844.10, 12, 14, 21, 25; p. 845.25. Но в речах Хониата, там, где риторические красоты требовали большей гиперболизации, нравственное ничтожество и военное бессилие Комнинов оказываются в центре повествования: *K. N. Sathas. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη*, т. А'. Ἐν Βενετία, 1872 (далее — *Sathas*, I), σελ. 105: τὰ τὸν Εὐξείνιον δεικνύοντα κλοῦξινον μετράχια, σελ. 115: τὰ δ' ἀμφιστρεφόμενα τὸν Πόντον μετράχια, σελ. 126, 127; ритор подчеркивает их немощ и трусость, о Давиде говорит, как ο νεονία...στίλβοντι τὸ σῶμα γυναικῶδες λειότητι (*Sathas*, I, σελ. 119), он неохотно переносит шум оружия, зеленеет от страха при звоне лука, по-женски прячется за стенами, лишь бы только укрыться от победоносного Давида, Давида по подвигам, не по имени, — Феодора Ласкаря (сел. 123, 124, ср.: сел. 119, 126). Подробнее см. в нашей статье: «Сочинения Никиты Хониата как источники по истории Трапезундской империи». — Сборник научных работ аспирантов исторического факультета «Проблемы всеобщей истории». М., 1971, стр. 133—156.

мо относился к независимости Трапезунда³. Апологетизируя правление никейского императора Феодора Ласкаря еще больше, чем Хониат, Месарит с такой же недоброжелательностью относился и к предку основателей империи Андронику Комнину. И хотя в Эпитафии на кончину Иоанна Месарита (брата писателя) он применяет к Андронику более мягкие выражения, чем Никита Хониат⁴, в Отчете о политических и церковных событиях 1214 г. он очень резко отзывается об Андронике и его племени — «ехиднином порождении», «дракононом исчадь» (ὁ ἐχιδναῖος γένος, τὸ δρακόντειον ἀπορῶσημα)⁵. Положение авторов при никейском дворе, видимо, заставляло их недоброжелательно отзываться об основателе враждебной династии.

И снова та же тенденция: от недоброжелательного отношения к Андронику — такое же отношение и к его внукам, Алексею и Давиду, и к самой Трапезундской империи, которая не признается Месаритом. Месарит никогда не называет правителей Понта и Пафлагонии каким-либо титулом, лишь в одном случае употребляя слово «кир», и то не от себя, а от лица монахов⁶. Об Алексее Комнине речь идет как о «происходящем из вредоносного и наполненного великой спесью рода Комнинов, тайно замышлявшем худое против власти ромеев»⁷. Подобно Хониату, Эфесский митрополит противопоставляет стойкость, мужество, разум Ласкаря слабости тех, кто вместо ума и крепости тела предпочитал надеяться на защиту крепостных стен и непреходимость дорог. Совсем как Хониат, Месарит осуждает тех, кто «из царской собственности крал и присваивал ромейскую землю, как собственный надел, предпочитая подчиняться итальянцам, чем братьям по крови и родству»⁸. И так же, как Хониат, Месарит описывает только блистательные победы никейского оружия⁹.

Но если первые никейские историки не признавали за Комнинами никакого титула, то признавали ли его в начале XIII в. в других греческих землях? Во всяком случае, Навпактский митрополит Иоанн Апокавк в письме патриарху Мануилу назвал Давида Комнина лишь «киром»¹⁰.

Георгий Акрополит писал свой исторический труд спустя несколько десятилетий после Хониата и Месарита, когда отношения между двумя империями начали стабилизироваться в силу ряда причин: во-первых, с 1261 г. был окончательно решен практический вопрос восстановления Византии. Притязания Комнинов на роль императоров ромеев, т. е. всей Византии, после отвоевания Константинополя, потеряли свой смысл. Во-вторых, с 1214—1215 гг., когда Комнины потеряли Пафлагонию и Синоп¹¹, обе империи не имели более ни общих сухопутных границ, ни территориальных притязаний друг к другу.

³ О трапезундских сюжетах у Месарита см. А. А. Vasiliev. Mesarites as a source. — «Speculum», XIII (2), 1938, p. 180—182. См. также комментарий издателя его сочинений А. Гейзенберга.

⁴ А. П. Каждан. Никифор Хрисоверг и Николай Месарит. Опыт сравнительной характеристики. — ВВ, 30, 1969, стр. 103.

⁵ А. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des Lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion. — SBAW, Phil.-hist. Kl., 1923, N 3 (далее — NQ), S. 33.17.

⁶ NQ, I, 1922, S. 62.

⁷ NQ, III, 1923, S. 11.12—13: ὁ Κομνηνόθεν ἔλκων τὸ γένος Ἀλέξειος, ὁ κατὰ τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς πολλὰ βουσοδομεῶν κακὰ ὧς. Далее в тексте рукописей лакуна, см.: NQ, III, S. 6.

⁸ NQ, III, S. 25; Ср. Nic. Chon., p. 842—843.

⁹ NQ, II, S. 27; NQ, III, passim.

¹⁰ В. Г. Васильевский. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского. — ВВ, III, вып. 2, 1896, стр. 275. 28—29.

¹¹ Правда, в 1254 г. трапезундскому императору Мануилу I (1238—1263) удалось на короткий срок (до 1265 г.) вернуть Синоп, за что Панарет назвал его «величайшим и счастливейшим полководцем»: Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ἐκδ. Ο. Λαμψίδης — Ῥαρχεῖον Πόντου, 22, 1958 (далее — Панарет), 3, сел. 61. О взятии Синопа см. (архим. Антоний). Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому го-

Сам Акрополит участвовал в важных византийско-трапезундских переговорах 1281—1282 гг.¹², но свою «Историю» он довел только до 1261 г. Притом все внимание в описании событий, связанных с Трапезундом, уделяется 1204—1215 гг. В значительной мере автор следует здесь за Хониа-том. Отделенная от Никеи владениями Румского султаната, Трапезундская империя в середине XIII в. не представляла для автора интереса, да и ее история не служила целям повествования. Вспомним, что и сам император Михаил VIII Палеолог, перечисляя все свои победы и над деспотом Фессалии, и над латинянами, и над болгарями, и над сельджуками, ни словом не обмолвился о военных или политических успехах в борьбе с Трапезундом¹³. Акрополита прежде всего интересует сам факт образования империи, ее борьба с Никеей за гегемонию в греческом мире. Хотя Акрополит, как и его предшественники, гневно осуждал смуты, вспыхнувшие среди ромеев после 1204 г., в которых был повинен и Трапезунд¹⁴, именно он впервые в византийской литературе называет трапезундского императора (Алексея I) Великим Комнином, т. е. употребляет часть его официального титула¹⁵. Интересно, что этим титулом назван только Алексей, но не его брат Давид, именуемый *κρατήσας*, *κρατοῦς* (Асгор., 18 (209)). Между тем в трапезундской литературе титул *Μέγας Κομνηνός* распространялся на всех непосредственных родственников императора¹⁶.

К Акрополиту очень близки тексты *Σύνοψις Χρονική*, изданной К. Сафой¹⁷, и стихотворной компиляции Ефрема начала XIV в.¹⁸ Впрочем, в версии *ὕνοψις Χρονική* встречается дефиниция к Акрополиту: *не ἐς καὶ Μέγας ὠνομάζετο Κομνηνός*, как у Акрополита, а *ὄν Μέγαν ὠνομάζον Κομνηνόν*¹⁹.

Автор важного для нас сочинения «О царствовании Михаила и Андроника Палеологов» Георгий Пахимер (1242—1310) свидетельствует уже о настоячивых попытках Михаила VIII установить прочный союз с Трапезундом. В подтверждение мы располагаем более ранним документом — Синодальной грамотой константинопольского патриарха Никифора II

роду Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре. — ЗООИД, V, стр. 617, № 148; *M. Nystazopoulou*. La dernière reconquête de Sinope par les grecs de Trébizonde (1254—1265). — РЕВ, XXII, 1964, p. 241—249.

¹² *Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII, rec. I. Bekker, vol. I. Bonnae, 1835, VI, 34 p. 521.*

¹³ Автобиография императора Михаила Палеолога и отрывок из устава, данного им монастырю св. Димитрия, по рукописи Московской синодальной библиотеки за № 363 издал проф. И. Троицкий (СПб., 1885, ос. VII—IX, стр. 6—9). *H. Grégoire. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua. — Вуз., XXIX—XXX, 1960, p. 447—476.*

¹⁴ Отмечается, что, помимо латинян, Феодора Ласкаря тревожили и сами ромеи, так как их предводители, ведя друг с другом войну, захватывали друг у друга целые области. См. *Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg, v. I. Lipsiae, 1903, 7, S. 12.5—10.* Впрочем, некоторых правителей призывали для своей защиты и сами жители (Асгор. 12.9—10). Примечательно, что сразу за этим идет повествование о жителях Пафлагонии и Трапезунда (*ibid.*, S. 12.13—17).

¹⁵ *Acrop.*, S. 12.13—14 (204): *Παφλαγονίας δὲ πάσης ἐγκρατῆς ἦν Δαυίδ, ἀδελφός ὢν Ἀλεξίου τοῦ τῆς Τραπεζούντος κρατήσαντος, ὃς καὶ Μέγας ὠνομάζετο Κομνηνός.*

¹⁶ *Παναρεт.* 16, сел. 69.12—13; 17, сел. 70.20—21; 38, сел. 76.2—3; 39, сел. 76.15—16; 48, сел. 78.12—14; 55, сел. 81.11; 56, сел. 81.19—20; 57, сел. 81.25—26. Титул употреблен не только для жен и дочерей императора, но и для его сыновей и братьев (ср. комментарий О. Ламбсидиса, стр. 108).

¹⁷ *Sathas, VII, 1894, сел. 453.4—5: Ἀλεξίου τοῦ ἐν τῇ Τραπεζούντῃ ἐξουσιάζοντος, ὄν Μέγαν ὠνομάζον Κομνηνόν; сел. 453.3—4: Παφλαγονίας δὲ πάσης ὁ Δαυίδ ἐκράτετ; сел. 457.11—12: τοῦ τῆς Παφλαγονίας κρατοῦντος Δαυίδ.*

¹⁸ *Ephraemus. Opera, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1840, p. 304. 7521—7524:*

Δαβὶδ Κομνηνός Παφλαγονίας ὅλης,
Ἀλεξίου σύναϊμος ὢν τοῦ πρὸ χρόνων
κατατυραννήσαντος Τραπεζουντιῶν
ὄστις ἐπωνόμαστο Κομνηνός μέγας.

¹⁹ О ее смысловом значении см.: *O. Lampsidis. Le Titre Μέγας Κομνηνός («Grand Comnène»).* — Вуз., 37, 1967, p. 115—116.

трапезундскому митрополиту от 1 января 1261 г.²⁰ Грамота свидетельствует о том, что Михаил VIII, будучи еще никейским императором, пытался заключить брачный союз с династией трапезундских Комнинов. Патриарх, в частности, писал: «Державный и святой мой самодержец, собирающий воедино все разрозненные куски и части государства Ромеев, призывает, чтобы владыка Трапезунда со всеми его землями, возлюбленный брат его святой царственности наибогороднейший Великий Комнин и желанный сын нашей мерности кир Мануил не только посредством грамоты, но и, отправив посольство, приобрел с ним еще большее родство, соединившись при помощи брака с его святой царственностью и став его самым родным сыном»²¹. Заметим, что трапезундский император, хотя и не назван василевсом, но упомянут как Μέγας Κομνηνός и обращение к нему почтительное и нейтральное — Κυριόβοντα τῆς Τραπεζούντας. В грамоте упомянуто, что Мануил I обращался с просьбой совершать на месте, в его государстве, избрание и рукоположение главы местной церкви — трапезундского митрополита, что и было даровано патриархом при условии неременного присутствия при миропомазании патриаршего представителя (хиротония должна была совершаться последним, если он был архиереем). Это была немаловажная уступка²².

Мотивы предполагающегося сближения со стороны никейского императора ясны: укрепление положения царя-узурпатора при помощи родства с древним императорским родом; возможно, обеспечение помощи трапезундского флота при отвоевании Константинополя. Но главной целью для Михаила оставалась ликвидация императорского титула Великих Комнинов вместе с их притязаниями на византийскую корону. И хотя задуманный брак при Мануиле I не стал реальностью²³, правящая верхушка Никеи пошла на уступки, отойдя от непримиримого курса непризнания, традиционного для первых Ласкарей. Происшедшая перемена наложила отпечаток и на позицию близкого ко двору писателя, каким был Георгий Пахимер.

Но наряду с тенденциями, способствовавшими сближению, были и противоположные, также сказавшиеся на произведении Пахимера. С заключением Лионской унии 1274 г. и особенно после 1277 г. Трапезунд превратился в один из центров оппозиции униатам, и значительная часть недовольной греческой знати и духовенства обращалась к далекой понтийской династии, ища в ней замену императору-униату, императору-узурпатору²⁴. Об этом свидетельствует Отчет о переговорах папских послов с византийским императором, составленный по-латыни протонотарием Огерием²⁵. Отчет довольно точно передает речь самого Михаила VIII,

²⁰ L. Petit. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1-er janvier 1260). ИРАИК, 1903, вып. 8, стр. 163—171.

²¹ Там же, стр. 170.22—28.

²² См. там же, стр. 165. Ср. Правила избрания епископов, изложенные в трактате Евфимия Сардского (J. Darrouzès. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine. Paris, 1966, p. 108—115, и рец. А. Каждана. — ВВ, 30, 1969, стр. 282).

²³ По Панарету, жемами императора Мануила были только Агна Ксилалоя, Ирина Сирикена и Русудан из Иверии (Панарет, 4, 5, ссл. 62—63; ср. Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 65).

²⁴ H. Evert-Kappesowa. Une page de l'histoire des relations byzantino-latines. Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274—1282). — BS, XIII, 1952, p. 68—92; *idem*. La société byzantine et l'Union de Lyon. — BS, X, 1949, p. 28—41; D. M. Nicol. The Byzantine reaction to the Second Council of Lyons, 1274. — «Studies in Church History», v. 7. Cambridge, 1971, p. 113—146.

²⁵ L. Wadding. Annales minorum, v. V. Romae, 1733, p. 65—68. См. о документе: D. M. Nicol. The Greeks and the Union of the Churches. The Report of Ogerius, Protonotarius of Michael VIII Palaiologos. — «Proceedings of the RIA», v. 63, sec. C, № 1, 1962, p. 1—16. Кроме Огерия, об эмиграции в Трапезунд недовольных униатством Михаила VIII сообщал и Никифор Григора: Nicephori Gregorae. Byzantina Historia, cura L. Schopeni, v. 1. Bonnae, 1829; v. 2, p. 127—128.

являясь официальным документом ²⁶. Михаил VIII пытался оправдаться перед папой Николаем III в том, что обязательства, принятые на Лионском соборе, выполняются с трудом из-за широкой оппозиции, в которую были вовлечены даже родственники императора. Сообщается, что отказавшиеся принять унию прибыли к трапезундскому правителю (Principes ipsius Terrae Trapezundae) и склонили его к оппозиции и к принятию официального императорского титула. И этот правитель был провозглашен императором и коронован ²⁷.

Наукой уже установлено, что императорский титул употреблялся Комнинами с момента образования государства на Понте ²⁸. Однако самый факт коронации был расценен как антивизантийская акция именно из-за того, что вновь подчеркивались права Великих Комнинов на византийский престол, а молодой император Иоанн II (1280—1297), вступавший на престол, по-прежнему именовался «императором ромеев». При этом игнорировались посольства и предложения Михаила VIII ²⁹, а на коронации присутствовали представители столичной оппозиции.

Все же после длительных и многократных переговоров Михаилу Палеологу удалось добиться согласия Иоанна II и его приближенных на брак трапезундского императора с дочерью Михаила Евдокией. Описывая приезд Иоанна II в Византию и сложение им императорских одежд перед встречей с Палеологом, Пахимер заведомо искажает факты, утверждая, что Иоанн II вовсе утратил императорский титул ³⁰. У нас есть многочисленные свидетельства обратного в трапезундских документальных источниках: императорский титул по-прежнему употреблялся в Трапезунде, правда, в несколько отличной форме: Ν. ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς Ἰβήρων καὶ Περσείας ὁ Μέγας Κομνηνός («Во Христе Боге верный император и самодержец всего Востока, Иверии и Ператии, Великий Комни») ³¹.

²⁶ Это отметил и сам Огерь: «Ergo illa, quae locutus est vobiscum Dominus meus sanctus Imperator referenda sanctissimo Domino summo Pontifici, sic se habent» (*L. Wadding. Annales...*, v. V. p. 65).

²⁷ *Ibid.*, p. 66—67.

²⁸ Впервые это сделал Я. Фальмерайер в полемике с Ш. Дюканжем и Э. Гиббоном: *J. Fallmerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München, 1827, S. 63—83; 141—143; см. также: Ф. И. Успенский. Очерки...*, стр. 31; *G. Finlay. A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time. B. C. 146—to A. D. 1864.* v. 4. Oxford, 1877, p. 319—320; *W. Miller. Trebizond. The Last Greek Empire. London, 1926, p. 15; A. A. Vasiliev. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204—1222).*—*Speculum*, 11 (1), 1936, p. 30—37; *E. Janssens. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969, p. 64, 65, 87.* О происхождения титула Μέγας Κομνηνός в литературе есть несколько предположительных суждений. Помимо указанной литературы, см. заметку Дэльгера: *BZ*, 36, 1936, S. 223, а также: *O. Lampsidis. Le Titre...*; *B. Hemmerdinger. ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ, calque de Hohenstaufen.*—*Byz.*, 40, 1970, p. 33—35; *O Lampsidis. ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ — Hohenstaufen.*—*Ibid.*, S. 543—545; *idem. Bessarions Zeugnis über den Titel ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ.*—*„Αρχαίον Πόντου“*, 30, 1970, σελ. 386—397, *D. Polemis. A note on the Origin of the Title «Megas Komnenos».*—*«Neo-Hellenica»*, I. Austin, Texas, 1970, p. 18—22; *P. Schreiner. Zur Bezeichnung «Megas» und «Megas Basileus» in der byzantinischen Kaisertitulatur.*—*„Βυζαντινά“*, 3, 1971, σελ. 175—192.

²⁹ *Pachym.*, VI, 34, S. 520—521.

³⁰ *Ibid.*, S. 523. О значении договора 1282 г. см.: *Ф. И. Успенский. История Византийской империи*, т. III. М., 1948, стр. 741.

³¹ До 1282 г. трапезундские императоры употребляли титулатуру византийских василевсов: Ν. ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων (см. в надписи Мануила I в церкви св. Софии.—*G. Finlay. A History...*, v. IV, p. 340—341, n. 2; *G. Millet. Les monastères et les églises de Trébizonde.*—*BCH*, 19, 1895, p. 430. Ср. *K. Treu. Byzantinische Kaiser in der Schreibernotizen griechischer Handschriften.*—*BZ*, 1972, 65, S. 26. С 1282 г. титул изменяется и принимает вышеуказанную форму. См. Хрисовул Алексеев III монастырю Сумела (декабрь 1364 г.).—*J. Ph. Fallmerayer. Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt.*—*«Abhandlungen der historischen Klasse der BAW»*, Bd. 3. München, 1843, S. 100—MM, V p. 276; Хрисовул Алексеев III монастырю св. Дионисия (1375).—*Actes, de Dionysiou, éd. diplomatique par N. Oikonomides, t. I. Texte, t. 2. Album. Paris, 1968, N 4 (Archives de l'Athos, IV).* Надписи см.: *J. Ph. Fallmerayer. Original-Frag-*

Пахимер не расходился с основными тенденциями внешней политики Михаила VIII. Уже Я. Фальмерайер отмечал его крайнюю пристрастность и недоброжелательность к Трапезунду в угоду византийскому императору³². Пахимер полностью отвергал правомерность принятия трапезундскими правителями императорского титула. По его словам, императорская власть вовсе не принадлежала бахвалившемуся ей Иоанну Комнину (Pachym., I, p. 520.20), но лишь византийскому василевсу, правителю Константинополя. А греческий владыка Трапезунда для Пахимера — только варвар (Pachym., I, 520.10).

Но сдвиг в дипломатической практике сказался на позиции и терминологии историка. Как мы видели, Никифор II в 1260 г. назвал Мануила I «киром», «наиблагороднейшим Великим Комнином», «желанным сыном нашей мерности», «владыкой Трапезунда». Равным образом и Огерий в своем Отчете назвал Алексея I Dominus, что равнозначно греческому κύρις, а его правнука Иоанна II — Princeps, что соответствует греческому ἄρχων³³. Точно так же и Пахимер чаще всего называл трапезундского императора ἄρχων или ἀρχηγός³⁴. Термин ἄρχων τῶν Λαζῶν не случаен и употреблен потому, что Трапезунд не осознавался уже как органическая часть Византии. Правителем ромеев был византийский василевс.

Важнейшее значение для изучения трапезундской истории в начале XIV в. имеет «Ромейская история» Никифора Григоры (ок. 1290—1360). Отношение Григоры к Трапезунду лишено недоброжелательности. Как мы знаем, Григора был хорошо осведомлен в трапезундских делах, переписывался с трапезундскими государственными деятелями и учеными, поддерживал с ними добрые отношения³⁵. А для Трапезунда описываемое время было наполнено острой политической борьбой, охватившей весь господствующий класс и широкие слои населения³⁶. Византия по возможности внимательно следила за происходящими событиями, но далеко не

mente..., S. 101—103; N 1, II, V; D. A. Zakythinos. Le chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trébizonde en faveur des Vénitiens. Paris, 1932, p. 37. 173—175, ср. p. 92—93; Sp. P. Lampros. Ἀνέκδοτον χρυσόβουλλον Ἀλεξίου Γ' τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ αὐτοκράτορος Τραπεζοῦντος. — „Νέος Ἑλληνομνήμων“, II, 1905, σελ. 198; V. Laurent. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV — Jean IV et David II. — „Ἀρχεῖον Πόντου“, 18, 1953, σελ. 258.2—4; 272. 24—25. Более полный титул встречается в грамоте Алексея III (1386 г.): Ἐλέω θεοῦ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς, Ἀλέξιος ὁ Μέγας Κομνηνός, Γερμανικός, Ἀλαμανικός, Γοτθικός, Ἀνδαλικός, ἐνδοξος, νικητής, τροπαιοῦχος, πιστός, ἀναισβάστος. — Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. JI., 1927, № 103, стр. 60-ММ, V, p. 468. В отношении подлинности этой грамоты были высказаны сомнения («Вазелонские акты...», стр. XXIII: в титуле трапезундского императора — заимствования из титула Юстиниана I). Но даже если признать хрисовул подлинным и считать возможными столь далекие исторические реминисценции Великих Комнинов, надо отметить, что не встречается более основного титулования византийского императора — «самодержец ромеев», закрепленного теперь лишь за Палеологами.»

³² J. Fallmerayer. Geschichte..., S. 139.

³³ J. Wadding. Annales..., V, p. 66, 67.

³⁴ Pachym., I, VI, 34, p. 520. 1—2: τῆς τῶν Λαζῶν ἀρχοντι ἰωάννη; p. 521.1; II. De Andronico, III, 29, p. 270.9—10; ἰωάννης... ὁ τῶν Λαζῶν ἀρχηγός; V, 29, p. 448.9—11: ὁ τῶν Λαζῶν ἀρχηγός...τῇ δεσποτικῇ σεμνονόμενος μοῖρα (Пахимер не упускает случая упомянуть, что Михаил VIII почтил трапезундского императора деспотским достоинством); II, p. 449, 8: ὁ ἀρχηγός τῆς χώρας. Любопытно, что термин ἀρχων употреблен в основном в I части труда Пахимера (De Michaelē), а ἀρχηγός — во второй (De Andronico). В принципе значение этих двух слов одинаково. Отмеченное явление указывает лишь на разновременность написания двух частей. Часто трапезундские императоры названы Пахимером просто по имени: Pachym., I, VI, 34, p. 520. 19—521.1; p. 521.14—15; p. 522. 19; p. 523.8. В одном случае Пахимер называет Алексея, сына императора Иоанна II, τῷ κατὰ Λαζοῦς παιδὶ Ἀλεξίῳ (II, IV, 7, p. 287.13).

³⁵ См. Corréspondance de Nicéphore Grégoras, ed. R. Guillaud. Paris, 1927, p. 92; Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV, ed. J. Schopen, v. 3. Bonnae, 1832, IV, 24, p. 171.

³⁶ См. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 75—81; 99—113.

всегда могла активно в них вмешиваться. Григора не был официальным историком, но его взгляды характерны для определенной части господствующего класса Византии.

В отличие от Пахимера, Григора никогда не называет трапезундских императоров *ἄρχων* или *ἀρχηγός*, хотя часто употребляет термин *ἡ ἀρχή* в значении «государственная власть» в Трапезунде³⁷. Для обозначения трапезундских императоров XIII в. Григора употребляет причастия *κρατήσας*³⁸ или *τυραννήσας*³⁹, но в этих случаях он идет от уже ранее сложившейся традиции, и указанием на это служит выражение «властитель лавов», как у Пахимера. Далее, Григора никогда не называл трапезундских императоров властителями лавов, а чаще всего — *коллов*. В своих первых книгах Григора следовал за Акрополитом и Пахимером. Но далее, когда он писал вполне независимо, картина меняется. Современных ему трапезундских императоров Григора называл *ἡγεμών*, а их государство *ἡγεμονία*⁴⁰. До Григоры таких обозначений не вводил никто из византийских историков. Более того, Григора называет трапезундскую императрицу Ирину, жену Василия I и незаконную дочь византийского императора Андроника II *ἡ βασιλίς*⁴¹. Отчасти такое словоупотребление можно было бы объяснить происхождением Ирины из царского рода Палеологов. Но, во-первых, она — незаконная дочь; во-вторых, она названа *βασιλίς τῶν Τραπεζουντιῶν*. Подтверждением того, что титул не случаен, служит прямое упоминание Григорой *императорской* власти в Трапезунде⁴². Сам Трапезунд им назван *βασιλεία*⁴³. Эти факты говорят о том, что в византийской литературе укоренялась, хотя и с большими трудностями, тенденция к признанию императорского титула Великих Комнинов. Григора пошел дальше своего предшественника Пахимера, не говоря уже об историках XIII в.⁴⁴

То же самое явление наблюдается в начале XIV в. и в византийской дипломатической практике. Константинопольский патриарх в своих грамотах неизменно называет трапезундского императора *αὐθέντης τῆς Τραπεζουόντος ὁ Μέγας Κομνηνός*⁴⁵, демонстрируя новые уступки на пути к признанию. Но окончательный перелом происходит со второй половины XIV в. и отражен в дипломатических документах. С этого времени трапезундские правители начинают величаться василевсами⁴⁶, а само обращение к ним со стороны патриарха отрицает всякую возможность какого то-

³⁷ Greg., V, 7, p. 149.2: πρὸς τὴν ἰδίαν ἀρχὴν ἧς τὰ βασιλεία Τραπεζουός; p. 149.4—5 Ἀλέξιον τὸν νέον Κομνηνόν· ὅς δὴ καὶ διάδοχος ὕστερον γεγένηται τῆς ἐκείνου ἀρχῆς; VI, 9, p. 202.18—19:... Ἀλέξιον... τὴν πατρικὴν περιπέμπει ἀρχήν; XI, 3, p. 536.10—11; XIII, 11, p. 679.7; p. 681:22; также: ἀρχομαι — XI, 3, p. 536.8.

³⁸ Greg., v. I, 1, 2, p. 13.18—19: τῆς Κολχίδος κρατήσαντος γῆς Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ; ср. у Акрополита: S. 12(204): Ἀλεξίου τοῦ τῆς Τραπεζουόντος κρατήσαντος. Как видим, Григора употребляет здесь терминологию своего предшественника в применении к тому же лицу, что и Акрополит. Далее такого термина у Григоры не встречается.

³⁹ Greg., V, 7, p. 148.19—22: Ἰωάννης γὰρ ὁ τοῦ ῥηθέντος Ἀλεξίου ἀπόγονος... τῆς τῶν Κόλλων καὶ Λαζῶν τυραννήσαντος γῆς.

⁴⁰ Greg., XIII, p. 679.15—16: πρὸς μὲν τῆς τῶν Τραπεζουόντων ἡγεμονίδος Εἰρήνης. Ἡγεμών — p. 681.22—23; p. 682.5. Ἡγεμονία — XI, 8, p. 550.18; XIII.11, p. 678.23; p. 679.23; p. 680.6 (eis τὸ τῆς ἡγεμονίας πρόσχημα), p. 681.5—6 (eis τὴν τῶν Τραπεζουόντων ἡγεμονίαν); p. 681.15. Ἡγεμονικός — p. 682.3, 7, 17; Ἡγεμονία — p. 682.9—10, 16, 18; p. 683.3 (τὰ τῆς ἡγεμονίας σκήπτρα).

⁴¹ Greg., XI, 8, p. 549.8; p. 549.18—19; p. 550.20—21; p. 551.10.

⁴² Ibid., XI, 8, p. 549.21—22: ἐτὰ πάσης τῆς βασιλικῆς ἐξουσίας, XIII, 11, p. 683.1—2: αὐτοκρατορικῆς ἐξουσίας.

⁴³ Greg., V, 7, p. 149.2; XI, 8, p. 549.20—22.

⁴⁴ Григора старался быть беспристрастным и при описании событий внутренней борьбы в Трапезунде. Вопросов, связанных с наименованием трапезундских императоров у Григоры, частично касался Р. Гийян: R. Guillard. Recherches sur les institutions byzantines, t. 2. Berlin und Amsterdam, 1967, p. 11-REB, 17, 1959, p. 70.

⁴⁵ MM, I, XXXVIII (1317 г.), p. 70; XCIV (вторая половина 30-х годов XIV в.), p. 199, 200, 201.

⁴⁶ MM, II, CCCLVI (1382 г.), p. 45: τὸν βασιλέα τῆς Τραπεζουόντος.

юридического неправомочия такого именованя. Περιπόθητε συμπένθερε τοῦ κρατίστου καὶ ἀγίου μου αὐτοκράτορος, εὐχενέστατε, ἀνδοξότατε, ἀνδρικότατε, φρονιμώτατε βασιλεῦ τῆς Τραπεζοῦντος καὶ πάσης Λαζικῆς, ἐν ἀγίῳ πνεύματι ποθεινότατε υἱὲ τῆς ἡμῶν μετριότητος, κύρ Μανουὴλ Μέγα Κομνηνέ, — обращается патриарх константинопольский Матфей к императору Мануилу III (1390—1417) ⁴⁷.

Такие перемены вовсе не неожиданны: при ослаблении Византии экономическое значение Трапезунда росло, он сумел в значительной мере сохранить свои позиции в торговле. Право его правителя на императорский титул давно признавалось соседними государствами и даже папой ⁴⁸. Трапезундско-византийские отношения также развивались в сторону такого признания: со второй половины XIV в., после кровопролитных смут, в Трапезунде закрепилось влияние тех кругов знати, которые ориентировались на сближение с Византией ⁴⁹. Между родом Великих Комнинов и Кантакузинами и Палеологами был заключен ряд династических браков ⁵⁰. Наибольшую трудность представляло преодоление традиционной доктрины императорской власти, завершившееся в византийской литературе XV в.

Все византийские писатели XV в. единодушно называли правителей Трапезунда императорами, а их царство — βασιλεία. Однако их отношение к этому титулу и его употребление различны. Для Дуки василевс — только византийский и трапезундский императоры ⁵¹, так не именуется ни турецкий султан, чаще называемый ἡγεμὼν, ни хан Персии Узун Хасан, ни эмир Синопа Измаил ⁵². Дука вполне бесстрастно относится к судьбе Трапезунда, и лишь констатирует его падение (какой контраст на фоне плача о падении Константинополя!) ⁵³. Но титулы трапезундского и византийского императоров равны.

Византийский писатель и дипломат Георгий Сфрандзи, подобно Дуке, безусловно признает императорский титул Великих Комнинов ⁵⁴. Часто

⁴⁷ MM, II, DCLXXIII, p. 541—542.

⁴⁸ См., например, письмо папы Иоанна XXII трапезундскому императору Алексею II (1329 г.): *L. Wadding. Annales...*, t. VIII, p. 100; см. также прим. 51.

⁴⁹ Ср. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 100—114.

⁵⁰ Василий I был женат на Ирине Палеолог, Алексей III — на дочери севастократора Никифора Кантакузина Феодоре, Алексей IV — на Феодоре Кантакузине; Давид — на Елене Кантакузине. Дочь Алексея III Евдокия стала женой византийского императора Иоанна V; Мария дочь Алексея IV, — женой Иоанна VIII Палеолога.

⁵¹ Титулование трапезундского императора василевсом см.: *Ducas. Istoria turco-bizantina*, ed. V. Grecu. București, 1958, XX, 7, p. 139.15—16; XLV, 19, p. 429.24; p. 429.29; p. 431.3; XLV, 19, p. 429.25: τὴν βασιλείαν p. 429.28: σὺν τῇ βασιλείᾳ. В одном случае (XXII, 9, p. 165.1) встречается интересная форма: Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, βασιλέως Τραπεζοῦντων. Употребление мн. числа Τραπεζοῦντων мы склонны объяснить скорее латинским влиянием. Ср. официальные латинские документы, обращенные к трапезундскому императору: Указ. письмо Иоанна XXII (1329), а также: папская грамота того же года (*J. Fallmerayer. Geschichte...*, S. 164; *U. Lamprosidis. Alexis II empereur de Trébizonde (1297—1330) et l'Eglise de Rome.* — BZ, 36, 1936, S. 328. Так же в венецианской дипломатической переписке: *Sp. P. Lampros.* Ἡ ἀλωπεὶς τῆς Τραπεζοῦντος καὶ ἡ Βενετία. — «Νέος Ἑλληνισμὸς», II, 1905, σελ. 326; в гевуэзских документах: *J. Jorga. Notes et Extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle.* — ROL, IV, 1896, p. 58, 62, 90—91, 587—588, 619; V, 1897, p. 364, 376. Так же назван и трапезундский император Давид в латинском тексте его письма к бургундскому герцогу. См. *E. Janssens. Trébizonde...* p. 147. Так как Дука был на гевуэзской дипломатической службе, он, вероятно, позаимствовал отсюда такую формулу.

⁵² Мехмед II — ἡγεμὼν (*Ducas, XXXIV, 12, p. 307.5; XLV, 17, p. 429.1 и др.*); Узун Хасан — δεσπότης (*ibid.*, XLV, 10, p. 425. 2—3); эмир Синопа Измаил — ὁ τῆς Σινώπης ἡγεμὼν (*ibid.*, XLV, 17, p. 429.2).

⁵³ *Ducas, XLV, 19, p. 429—431.*

⁵⁴ *Georgios Sphrantzes. Memorii 1401—1477, in anexă Pseudo — Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258—1481*, ed. V. Grecu. București, 1966, XIV, 3, p. 20, 3; XXX, 1, p. 74.16—17; XXX, 4, p. 76.8, XXXI, 3, p. 78, 28; XXXVI, 8, p. 102.9; XLII, 2, p. 128, 3; p. 128.7—8.

перед их именем встречается почтительное «кир»⁵⁵. Обращение к трапезундскому императору — точно такое же, как и к византийскому, — βασιλεία σου⁵⁶, δέσποτά μου⁵⁷. Большая хроника, приписываемая Макарию Мелиссину, полностью повторяет все выражения Малой⁵⁸. Правда, трапезундский император дополнительно назван κρατός⁵⁹ и употреблено причастие βασιλεύων,⁶⁰ что не вносит существенных изменений в уже нарисованную картину. Однако Сфрандзи называет василевсом и иверского царя Георгия⁶¹. Но турецкий султан называется «эмиром»⁶², и императорского титула за ним, как и за христианским правителем Сербии⁶³, не признается. Дипломат Сфрандзи следует официальной практике титулования. Между его авторским текстом и произнесенными им речами нет различий в употребленной титулатуре. Своего отношения к Трапезунду Сфрандзи прямо не высказал, кроме, пожалуй, одного случая, когда писатель возмущался тем, что никто из христианских правителей — ни трапезундский император, ни правители влахов и иверов — не пришел на помощь осажденному Константинополю⁶⁴. Не ясно и предпочтение, отданное Сфрандзи предполагаемому браку своего друга и повелителя Константина XI с дочерью иверского царя перед браком его с трапезундской принцессой⁶⁵. Подобно Дуке, Сфрандзи очень кратко сообщил о захвате Трапезунда турками⁶⁶.

Несколько иную картину мы найдем у страстного филэллина Лаоника Халкокондила. Прежде всего, надо учитывать, что в сочинении Халкокондила сведения по истории Трапезундской империи приводятся как непосредственно автором, так и источником трапезундского происхождения, включенным, видимо, самим Лаоником в текст его произведения. Два фрагмента этого источника обработаны с разной степенью тщательности: вторая интерполяция, в отличие от первой, явно несет на себе следы авторской правки, хотя и в ней сохранились многие особенности использованного источника, сведения которого уникальны для историка Трапезунда⁶⁷. В данном случае нас интересует отношение самого писателя к Трапезунду. Уже факт использования трапезундского источника заставляет говорить о том интересе, который Халкокондил проявлял к далекой империи. Он, как и другие историки XV в., прямо называет правителя Трапезунда василевсом⁶⁸. Г. Диттен отметил, что этот титул легко применялся Халкокондиллом ко всем возможным христианским королям и мусульманским монархам, усматривая в этом архаизирующую традицию, воз-

⁵⁵ *Sphr.*, XIV, 3, p. 20.2—3; XXIV, 3, p. 62.9—10; XXX, 1, p. 74.17; XLII, 2, p. 128.7—8.

⁵⁶ *Ibid.*, XXX, 4, p. 76.10—11; p. 76.13.

⁵⁷ *Ibid.*, XXX, 5, p. 76.18.

⁵⁸ *Pseudo-Sphr.*: βασιλεύς — I, 23, p. 232.27—28; II, 1, p. 262.10—11; III, 1, p. 350.24—25; p. 354.16; p. 356.15—16; p. 358.3,20; IV, 19, 15, p. 552.15; p. 552.21; κύρ — II, 1, p. 262.10; II, 17, p. 332.14; III, 1, p. 350.24—25; IV, 19, 15, p. 552.21; Ἡ βασιλεία σου — III, 1, p. 354.19.21; p. 356.20 (ср. обращение к византийскому императору ἡ βασιλεία σου; III, 1, p. 358.11); Δέσποτά μου — III, 1, p. 354.27.

⁵⁹ *Ibid.*, III, p. 356.19—20.

⁶⁰ *Ibid.*, IV, 19, 15, p. 552.14.

⁶¹ *Sphr.*, XXX, 1, p. 74.16: εἰς τὸν τῆς Ἰβηρίας μέγαν ἡγουν βασιλεία Γεώργιον (все же на первом месте μέγαν, а βασιλεία — как пояснение). Ср.: *Pseudo-Sphr.*, III, 1, p. 350.23—24 (ὁ παρ' ἡμῶν ῥῆξ λέγεται).

⁶² *Sphr.*, VII, 1, p. 88.22; VIII, 2, p. 12.7; IX, 1, p. 12.23 и т. д.

⁶³ *Ibid.*, XXXVI, 2, p. 99.28; εἰς τὸν τῆς Σερβίας δεσπότην Γεώργιον.

⁶⁴ *Ibid.*, XXXVI, 8, p. 102.9—11.

⁶⁵ *Ibid.*, XXXII, 1, p. 82.

⁶⁶ *Ibid.*, XLII, 2, p. 128; Ср. *Pseudo-Sphr.*, IV, 15, p. 552.

⁶⁷ Речь идет об отрывках: *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes*, rec. E. Darkó. Budapestini, 1927, v. II, p. 219.12—222.21; p. 246.19—249.31.

⁶⁸ ὁ βασιλεύς Κολχίδος — *Chalc.*, I, p. 76.4; II, p. 218.19; ὁ βασιλεύς Τραπεζοῦτος — II, p. 218.17—18; p. 243.11—12; p. 246.16—17; p. 269.19; p. 274.18; p. 275.2; p. 178.16—17; πρὸς βασιλέα Κολχίδος τῆς Τραπεζοῦτος. Βασιλεύς + имя: *Chalc.*, II, p. 219.11; p. 243.13—16.

врат к практике до императора Ираклия⁶⁹. Однако это положение нуждается в существенном уточнении. Во-первых, ряд правителей Халкокондил не называет василевсами. Султан Синопа и Кастамона Измаил назван лишь «игемоном», хотя с почтением описывается богатство его владений и сила крепостных стен его столицы⁷⁰. Второй по могуществу среди мусульманских владык Малой Азии хан Персии Узун Хасан, много лет успешно соперничавший с Мехмедом II, назван вообще без титула⁷¹. Халкокондил действительно проявлял стремление к архаизации, но объяснять только им титулование правителей не приходится — перед нами своеобразная эволюция взгляда на византийское единодержавие, основывающаяся на реальных исторических изменениях. Ведь Халкокондил — один из многих византийских историков, кто признал существование императорского титула в Трапезунде с самого начала образования там государства: «Прибыв туда, он (основатель империи Алексей I Комнин. — С. К.) получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес царство в Трапезунд в Колхиде. И с этих пор они там царствовали, живя далеко от нас, имея эллинское происхождение и обычаи и говоря по-эллинически»⁷². Халкокондил относится к Трапезунду, как к греческому государству, глубоко интересуясь его судьбой, привлекая для его истории местный источник. Терминология последнего по отношению к императорам и императорской власти аналогична терминологии самого Лаоника, разве что за исключением того, что I отрывок трапезундского источника не называет местных императоров императорами Колхиды⁷³. Вероятно, что этот источник оказал влияние и на подход самого писателя к Трапезунду.

Однако Халкокондил, как и другой автор середины XV в. — Михаил Кривовул, применяет царский титул и к мусульманским правителям, в первую очередь к турецкому султану. Это было немисливо для византийских историков XIII — XIV вв., да и для многих писателей XV в.

Кривовул идет дальше Халкокондила: для него василевс и трапезундский император⁷⁴, и иверский царь, и, в отличие от Халкокондила, Узун Хасан⁷⁵. Кривовул, как и Халкокондил, со вниманием относился к судьбе Трапезунда; он приводит интересный, хотя и не во всем точный, экскурс о происхождении империи⁷⁶, признает изначальность принятия Великими Комнинами императорского титула и мирный характер образования государства⁷⁷. Это указывает на самостоятельность труда Кривовула, не зависевшего от византийских писателей XIII—XIV вв.

Кривовул весьма объективно показал важные, если не главные, причины, обусловившие неизбежное и скорое падение Трапезунда: захват тур-

⁶⁹ H. Ditten. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles, Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15 Jh. u. Z.). — «Klio», 43—45, 1965, S. 187—188; *idem*. Βάρβαροι, Ἕλληνας und Ῥωμαῖοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern. — «Actes du XIIe Congrès Internationale des Etudes Byzantines», II, 1964, p. 277—278.

⁷⁰ Chalc., II, p. 239.7.

⁷¹ Ibid., II, p. 241.8; p. 243.10—12; p. 243.15, 16, 18, 19; p. 244. 10, 12, 15.

⁷² Ibid., II, p. 248. 24—249.5.

⁷³ Βασιλεύς — Chalc., II, p. 249.13, 20—21, 24; p. 220.5.9—10, 10, 15, 17, 18; p. 221.2, 5—6, 21—22, 25—26, 28; p. 223, 2, 3. Обработка Халкокондила: p. 246. 19—20, 20; p. 247. 7, 7—8, 17—18 (ὁ βασιλεύς Κολχίδος), 19—20, 24, 31; p. 248.2, 15, 22—23, 31; p. 249.1, 1—2, 3, 7, 8, 11, 21. Ἡ βασιλεία (царская власть): p. 220. 24; p. 246.23. Глагол βασιλεύω — p. 246.23.

⁷⁴ Critobul din Imbros. Din domnia lui Mahomed al II-lea anii 1451—1467, ed. V. Grecu. București, 1963; Βασιλεύς — IV, 1, 4, p. 271.9; IV, 1, 6, p. 271. 28; IV, 4, 4, p. 279, 10; IV, 7, p. 285, 12, 16; IV, 7, 6, p. 285. 27; IV, 7, 8, p. 287. 3; IV, 8, 2, p. 287. 13; IV, 9, 1, p. 289.4; Το βασιλεῖον — p. 271.5; Ἡ βασιλεία — p. 271.8. Посвятительное письмо, 5, p. 29.10 (в значении «империя»); Βασιλεύς — IV, 1, 4, p. 271.6.

⁷⁵ Critobul, IV, 1, 7, p. 271.33—273.1.

⁷⁶ Ibid., IV, 1, 2—5, p. 269—271.

⁷⁷ Ibid., IV, 1, 4, p. 271.

ками проливов и Константинополя. Уплата дани после 1453 г. была первым этапом подчинения Трапезунда⁷⁸. Несмотря на туркофильство Критовула, он с состраданием и симпатией относился к завоеванным турками странам, хотя и стремился скрыть это⁷⁹. Критовул с жалостью писал о невзгодах безвременья, застигнувших Трапезунд в столь критический момент его истории. Он подчеркивает, что Трапезунд, как мог, сохранял свободу, и «не вредил никому из соплеменников»⁸⁰. Так презрение и недоброжелательство сменились признанием и сочувствием к судьбе Трапезунда, тем сочувствием, которое было испытано и нашими соотечественниками в XV в.⁸¹

Мы видели также, как медленно и постепенно наблюдался отход византийских писателей от старой традиции, по которой лишь Византия была империей *par excellence*, как постепенно положения, укоренившиеся в дипломатической практике, переходили на страницы исторических сочинений. Факт признания императорского титула за греческим же правителем, не обладавшим Константинополем, свидетельствует о коренном изменении самого представления об императорской власти.

⁷⁸ *Critobul*, IV, 1, 6, p. 271.

⁷⁹ Ср. З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула. — ВВ, XII, 1957, стр. 191—196; J. Радонић. Критовул — византиски историк 15в. — «Глас Српске Краљевске Академије», т. 138, ч. 2, 73. Београд, 1930, стр. 66, 70.

⁸⁰ *Critobul*, IV, 1, 6, p. 271.22—24.

⁸¹ ПСРЛ, т. 12, 1965, стр. 202 (1481 г.): «Да не узрятъ очи ваши разлѣпленіа домовъ вашихъ... якоже пострадаша и иніи велиции и славніи земли отъ Турковъ, еже глаголются Болгари, и Серби, и Грецы, и Трапезонъ, и Амморей... и скитаются по чужимъ странамъ бѣднѣ во-истину и страннѣ и много плача и слезъ достойно, укоряеми и поношаеми и оплюваеми, яко немужьствени...» См. также: ПСРЛ, т. 8, стр. 207; т. 22, ч. 1, стр. 501—502, т. 23, стр. 182; т. 24, стр. 201—202; т. 28, стр. 151, 316.